

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ ПРХІОРЕЙСКОЙ КАМЕРАЪ

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13, кв. 11.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ если присланы марки на пересылку. Рукописи, невостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

Годовая цѣна—5 руб.

Холмско - Варшавское Епархіальное Начальство обращается къ православнымъ русскимъ людямъ съ просьбою помочь ему посильными своими жертвами въ дѣлѣ сооруженія и поддержанія церквей въ мѣстностяхъ Привислинскаго края съ поуніатскимъ населеніемъ.

Пожертвованія принимаютъ: Духовная Консисторія, Варшава, Долгая, 13.

Канцелярія Архіепископа, Варшава, Долгая, 15.

ОТДѢЛЪ I.

Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Назначенъ: сверхштатный псаломщикъ Варшавскаго Кааедральнаго собора Константинъ *Ефимовъ* на должность псаломщика къ Мазовецкой церкви, Ломжинской губерніи, съ 1 марта сего года.

Перемѣщены: псаломщикъ Полюбичской церкви, Сѣдлецкой губ., Влодавскаго уѣзда, Маркъ *Ярмолюкъ* и. д. псаломщика къ Мутвицкой церкви тѣхъ же губерніи и уѣзда; и. д. псаломщика Голубльской церкви Сѣдлецкой губ. и уѣзда Игнатій *Рутковскій* и. д. псаломщика къ Полюбичской церкви; оба съ 1 марта сего года.

Уведены согласно прошеніямъ, отъ занимаемыхъ должностей: псаломщикъ Мазовецкой церкви, Иванъ *Квачевскій* и псаломщикъ Крешовской церкви, Люблинской губ., Вѣлгорайскаго уѣзда Михаилъ *Радикъ* —Квачевскій съ 1 марта, а Радикъ съ 1 апрѣля сего года.

Умерли: 2 марта сего года заштатный священникъ Иосифъ *Чермончакевичъ* 11 февраля сего года псаломщикъ Мутвицкой церкви Семень *Супрунюкъ*, и 24 февраля сего года псаломщикъ Ломжинской таможенной церкви Иванъ *Дмитріюкъ*.

Ваканты мѣста настоятеля церкви: въ с. Гусинномъ Люблинской губ. Холмскаго уѣзда и въ г. Замостьѣ той же губ. при мужской прогимназіи (нештатное).

Отъ Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 22 февраля 1903 г. за № 85, преподано Архипастырское благословеніе о. Завѣдующему Горошковской церковной школой священнику Тимоею *Горскому* за труды его по постройкѣ школьнаго дома.

Тою же Архипастырскою резолюціею выражена признательность Епархіальнаго Училищнаго Совѣта крестьянину д. Лишно Григорію *Щуру* за его сочувственное отношеніе къ мѣстной церковной школѣ.

* * *

Въ пользу церковныхъ школъ Холмско-Варшавской епархіи поступило:

А) сбора, собраннаго 21 ноября 1902 г.

Отъ Благочиннаго церквей, I Варшавскаго округа 70 р. 74 к., II Варшавскаго 40 р. 43 р., III Варшавскаго 16 р. 31 к., отъ Плоцкаго собора 5 р. 23 к., отъ Ломжинскаго собора 8 р., отъ Покровской единовѣрческой церкви 20 к.,

Б) 1% сбора отъ церковныхъ доходовъ:

Отъ благочиннаго церквей I Влодавскаго округа 29 р. 65 к., II Влодавскаго 22 р. 20 к., I Константиновскаго 17 р. 95 к., II Константиновскаго 8 р. 9 к., Радинскаго 28 р. 5 к., Сѣдлецкаго 45 р. 19 к., I Холмскаго 24 р. 76 к., III Холмскаго за 1901 и 1902 гг. 66 р. 51 к., I Томашовскаго 59 р. 98 к., II Томашовскаго 46 р. 75 к., I Грубешовскаго 37 р. 11 к., I Бѣлгорайскаго 37 р. 11 к., Люблинскаго 28 р. 71 к., Отъ Люблинскихъ градскихъ церквей 50 р.

ПО ЖЕРТВОВАНІЯ.

Въ Сульмицкую церковь, Люблинской губ. Замостскаго уѣзда отъ жительницъ г. С.-Петербурга Александры *Пенчиловской* и Елисаветы *Зуевой*, разныя вещи церковной утвари на сумму 635 р. и отъ прихожанъ означенной церкви наличными деньгами 530 руб.

Въ Копытовскую церковь, Сѣдлецкой губ. Бѣлскаго уѣзда отъ Е. С. *Ляжиной* 50 р., отъ К. А. *II* 50 р., отъ прихожанъ Ивана *Корнилюка* 10 р., Юсафата *Корнилюка* 10 р., Акилины *Соболь* 5 р., Ивана *Данилюка* 5 р., Константина *Левчука* 1 р., Кирилла *Бобкевича* 1 р., Анны *Корнилюк* 1 р., Ивана *Чеберкуса* 1 руб., отъ молодежи с. Копытова 7 р., 55 к., отъ К. А. *II* Св. Евангеліе стоимостью въ 150 р., отъ О. И. *Игнатовой* разныя церковныя принадлежности на сумму 240 р., отъ протоіерея Іоанна *Сергіева* 100 р., и отъ 30-ти прихожанъ икона Успенія Божіей Матери стоимостью въ 40 р.

Въ Сувальскій соборъ отъ Вѣры *Савашинской* священническая риза цѣною въ 20 р., отъ Ѳеодора *Паевского*, икона Успенія Богоматери въ 125 р., отъ Василя *Янушевича* и жены его Александры, икона св. Ѳеодосія Углицкаго въ 120 р., отъ Елены *Сольской* воздуха бѣлаго газета, въ 15 р., отъ неизвѣстнаго лица серебряный золоченный вѣнчикъ къ иконѣ Преподобнаго Сергія Радонежскаго, въ иконостасѣ собора, въ 5 р. 50 к., отъ Ѳеодора *Зальскаго* два коврика, въ 4 р., отъ Александры *Шантгай* двѣ иконы Спасителя и Богоматери, въ 20 р., отъ Анны *Шилкевич* лампада накладнаго серебра, въ 2 р. 50 к. отъ Евгеніи *Соловой* три шелковыя ленты къ иконамъ, въ 6 р., отъ

Анны *Чамовой* пелена на аналой въ 10 р., отъ разныхъ лицъ церковнаго вина и масла на сумму 5 р.

Въ Августовскую церковь, Сувальской губ. отъ А. П. *Карелова* напрестольный, серебряный позолоченный крестъ, цѣною въ 80 р., отъ Л. М. *Павловской* большой металлическій, посеребренный, по мѣстамъ золоченный, съ тремя металлическими свѣчами под-свѣчникъ къ иконѣ Св. Николая, въ 70 р., отъ крестьянъ, р-католиковъ изъ дер. Рудки Яна и Людвиги въ приписную Богородице Казанскую церковь металлическое паникадило въ шесть свѣчей, цѣною 15 р.

Въ Липскую церковь, Сувальской губ. Августовскаго уѣзда отъ Михаила *Соловьевича* икона Богоматери въ серебряной ризѣ и орѣховомъ кіотѣ и кропило съ фаянтовой ручкой въ 43 р., отъ Лидіи фонъ-*Штралборнъ* изъ С.-Петербурга, шелковая катапетасма съ шнуромъ и кистями, въ 30 р., отъ церковнаго братства икона воскресенія Христова, въ 26 р.

Въ Перстунскую церковь, тѣхъ же губерній и уѣзда, отъ А. А. *Кобычева* три иконы на холстѣ въ боготовыхъ рамахъ, цѣною въ 110 р., отъ неизвѣстнаго: два кіота къ иконамъ Спасителя и Божіей Матери цѣною въ 5 р., отъ С. А. *Чашина* изъ Москвы разныя церковныя принадлежности до 400 руб., отъ прот. *Сергіева* на нужды церкви 100 р., отъ Холмскаго Свято-Богородицкаго братства парчи на престоль и жертвенникъ на сумму до 30 р. и отъ мѣстнаго братства серебряная кадильница цѣною въ 34 р.

Въ Кибартскую церковь, тѣхъ же губерній и уѣзда отъ Всеволода *Ильина* изъ г. Риги, икона Божіей Матери „Утоли моя печали“ въ серебряной позолоченной ризѣ, цѣною въ 100 р., отъ Ивана *Буруновскаго*, чиновника Вержоловской таможи и досмотрщиковъ сей таможи, серебряная вызолоченная лампада съ такою же цѣпочкою, цѣною въ 25 р., и отъ Вержоловской таможенной Артели, двѣ металлическія хоругви, вызолоченныя художественной работы, цѣною въ 185 р.

Въ Рѣдлинскую церковь, Люблинской губ. Томашовскаго уѣзда приписную къ Посадовскому приходу, отъ братства означенной церкви на капитальный ремонтъ церкви, колокольни и церковной ограды съ покраской оныхъ масляными красками 1500 р.

Въ Кмичинскую церковь тѣхъ же губерній и уѣзда приписную къ Жулицкому приходу, отъ крестьянина Стефана *Баса*, 602 р. 79 к., на приобрѣтеніе колокола для означенной церкви и отъ крестьянъ 150 р., на внутреннюю покраску церкви.

Въ Стенятинскую церковь, тѣхъ же губерній и уѣзда приписную къ Жулицкому приходу приобрѣтенъ новый колоколъ вѣсомъ въ 24 пуда 34 фунта, цѣною въ 455 р. 80 к., на средства, пожертвованныя отчасти прихожанами Стенятинской церкви и отчасти братствомъ сей церкви; при чемъ особымъ усердіемъ

по сбору денегъ отличался крестьянинъ села Стеняти-на Димитрій *Жука*.

Всѣмъ жертвователямъ изъявлена благодарность Епархіальнаго Начальства и преподано Его Высокопреосвященствомъ Архипастырское благословеніе.

За Редактора С. Москалевичъ.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

Объ „освѣженіи“ нашего духовенства.

Въ настоящее время въ извѣстной части русскаго общества и печати раздаются модные, исполненные поддѣльнаго пафоса, крики: „Надо освѣжить атмосферу нашего духовенства!“... „Долой духовно-учебныя заведенія!“... „Долой внѣшнія отличія духовенства отъ прочихъ людей — рясы, волосы, бороды!..“ и имъ подобныя.

Такъ какъ эти крики и вопли принимаются (хотя и ложно) за общественное мнѣніе и составляютъ до нѣкоторой степени знаменіе времени, да, кромѣ того, своей назойливостью и удивительною развязностью не даютъ покоя мирнымъ гражданамъ нашего православнаго отечества, — то и эти патетическія воззванія нельзя игнорировать; объ нихъ надо говорить, съ ними слѣдуетъ считаться.

Объ этомъ пресловутомъ „освѣженіи“ начали кричать уже давно. Но раньше на этотъ крикъ общество мало обращало вниманія, и онъ терялся среди суеты мірской, не оставляя никакого по себѣ слѣда. Въ послѣднее же время этотъ крикъ получилъ, такъ сказать, право гражданства. Теперь объ „освѣженіи“ кричатъ не только газетные корреспонденты, которые въ кричаніи видятъ свое призваніе и свое пропитаніе, но и такъ называемыя „почтенныя дѣятели“, „серьезные люди“ и даже — чего нельзя было раньше предвидѣть — „просвѣщенные пастыри“.

Одинъ изъ такихъ „пастырей“ сначала въ „Гражданинѣ“, а потомъ въ „С.-Петербур. Вѣдом.“ помѣстилъ удивительныя статьи, въ которыхъ, со свойственною, вѣроятно, однимъ лишь газетнымъ „пастырямъ“ неразборчивостью въ выраженіяхъ, силится доказать, какъ отстало, какъ необразованно, какъ грязно православное духовенство (конечно, за исключеніемъ автора?), и какая вообще затхлая, тяжелая атмосфера, въ которой оно обособилось отъ прочихъ сословій русскаго общества, и какая настоящая въ наше время, время реформъ и ломокъ, нужда въ освѣженіи этой атмосферы. Отсталость, невѣжество,

затхлость духовной атмосферы этотъ обновитель духовной среды находятъ даже въ томъ, въ чемъ святыя апостолы, святыя отцы церкви видѣли „помазанность благодати“, „благословеніе Божіе“, „печать истиннаго благочестія“; именно: въ томъ, что священники и діаконы удаляются отъ театровъ, баловъ, тавцевъ, ухаживаній за дамами; недостаточно развязны въ обществѣ; обращаютъ серьезное вниманіе на соблюденіе постовъ и другихъ внѣшнихъ установленій и обрядовъ; наряжаются въ некрасивыя и неудобныя напр., для танцевъ, велосипедной ѣзды, бѣганья на конькахъ и пр. старинныя и отжившія свой вѣкъ одежды; придерживаются въ совершеніи богослуженія церковнаго устава, чѣмъ утомляютъ скучающую „молящуюся публику“, что въ такомъ же духѣ „отсталости“ и чуть не „варварства“ держатъ и своихъ женъ и воспитываютъ своихъ дѣтей.

Другой, подобный-же обновитель развиваетъ мысль, что мы „до сихъ поръ сидимъ въ вонючемъ, затхломъ воздухѣ, покрытые корою ненужныхъ и подъ часъ суевѣрныхъ и вредныхъ обрядностей и внѣшнихъ ритуальностей жизни“, и съ пафосомъ призываетъ сбросить эту кору проказы, эти сдавливающіе насъ оковы, выйти изъ этого смраднаго помѣщенія!

И вотъ, всѣ эти „проповѣди“, разговоры, газетныя замѣтки, доклады, воззванія, весь этотъ словесный шумъ лѣзетъ въ уши публики, свѣтской толпы, не всегда разборчивой въ качествахъ доводовъ и доказательствъ, и производитъ соблазнъ и путаницу въ умахъ многихъ. Такъ, одинъ изъ нашихъ хорошихъ знакомыхъ, человѣкъ довольно начитанный и религіозный и интересующійся современной общественной жизнью, пишетъ намъ въ письмѣ, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣтъ, прислушиваясь къ общественному мнѣнію нашихъ дней и къ голосу русской прессы, я прихожу къ такому заключенію, что вы — духовные защитники старины и, хотя и священныхъ, традицій — во многомъ неправы; вы слишкомъ засидѣлись на одномъ мѣстѣ; ваша духовная атмосфера застоялась, и ее надо освѣжить бодрящими и веселящими элементами свѣтской жизни. Мнѣ кажется, духъ монашества и мистическаго аскетизма со всѣми ихъ ояиманьями и елейными благовоіеніями въ настоящее время отжилъ свой вѣкъ“... Автора этого письма мы не можемъ заподозрить въ неискренности. Но онъ также, какъ намъ хорошо извѣстно и какъ онъ о себѣ откровенно пишетъ, не отличается оригинальностью мыслей, онъ въ концѣ письма прямо говоритъ: „Все что я написалъ вамъ здѣсь, не есть мое убѣжденіе, но лишь мое мнѣніе, основанное на мнѣніи большинства голосовъ, мною слышанныхъ“.

Другой, менѣ развитой, знакомый, просто восклицаетъ по моему адресу въ своемъ короткомъ и небрежно написанномъ письмѣ: „Нисколько, братъ, тебѣ не завидую, что ты вступилъ въ духовное со-

словіе. Это замкнутая среда. Ее давно пора-бы освѣжить. Такъ теперь всѣ думаютъ, и въ газетахъ пишутъ!“.....

Итакъ, читатель видитъ изъ приведенныхъ фактовъ, что мы вынуждаемся на объясненія силою болѣе серьезныхъ обстоятельствъ, чѣмъ то кажется съ перваго взгляда.

Начнемъ съ того, что всѣ сословія, всѣ профессіи, всѣ положенія людей, непременно по общему естественному закону имѣютъ свои отличительныя особенности. Возьмите, напр., высшую дворянскую аристократію. Посмотрите, какая специфическая атмосфера окружаетъ ее и какъ она строго обособлена отъ остального міра. Здѣсь, что ни шагъ, то несокрушимыя преграды для людей иныхъ сферъ. Въ эту специфическую атмосферу не можетъ проникнуть, а тѣмъ паче жить въ ней, ни одно простое смертное существо. А какъ она строго оберегаетъ свои историческія традиціи, свои обычаи, свой строгій этикетъ! И это не у однихъ насъ, русскихъ, а то же самое, если не въ большей степени, замѣчается и въ остальныхъ просвѣщенныхъ государствахъ: во Франціи, Германіи, Англіи. Обратите вниманіе и на другія сословія: крестьянское, торгово—промышленное, военное. Здѣсь вы увидите тотъ же законъ. Отъ каждаго сословія вѣтъ, такъ сказать, особымъ, специфическимъ запахомъ, каждая сословная атмосфера имѣетъ свою собственную окраску, въ видѣ особыхъ условий быта, занятій, традицій, обычаевъ и проч., и объ упраздненіи, и даже объ „освѣженіи“, выше названныхъ сословныхъ особенностей и специальныхъ профессій можно говорить лишь много подумавши. Нужно тщательно различать черты случайныя и наносныя отъ существенныхъ, необходимыхъ. Нынѣшніе же „освѣжители“ это смѣшиваютъ.

Такъ, если бы для „освѣженія“ военной среды пришлось отмѣнить такъ называемую, „честь мундира“, ведущую нынѣ къ злоупотребленіямъ, напр. поединкамъ, то это имѣло бы смыслъ; но если бы пожелали значительно ослабить и военную дисциплину, въ силу которой любой солдатъ готовъ умереть на часахъ во время, напр., пожара или наводненія, а не оставить своего поста безъ приказанія начальства; или упразднить кажущуюся многимъ безразсудную храбрость, которая на войнѣ не знаетъ никакихъ препятствій и опасностей и которая нерѣдко устилаетъ поле битвы десятками тысячъ труповъ человѣческихъ; воспретить тотъ молодцоватый и бравый видъ, который отличаетъ война по вѣнжности, —такое „освѣженіе“ было бы прямо упраздненіемъ военного сословія.

Высказанныя соображенія примѣнимы не только къ сословіямъ, но и ко всякимъ корпораціямъ, ко всякимъ специальнымъ обществамъ, ко всякимъ профессіямъ. Всякому, напр., здравомыслящему человѣку противенъ былъ бы членъ общества трезвости, нара-

вѣтъ съ другими безцеремонно пьющей спиртные напитки; отвратителенъ—членъ благотворительности, обирающій бѣдняковъ, и т. д.

На этомъ основаніи нужно признать законность извѣстныхъ особенностей и за духовнымъ сословіемъ. И духовная среда должна имѣть свою отличительную атмосферу и свои неотъемлемыя свойства. Въ чемъ они состоятъ,—это извѣстно: прежде всего, въ проникновеніи страхомъ Божиимъ, въ благоговѣніи передъ святыней, въ работѣ предъ Господомъ со страхомъ и трепетомъ, въ смиреніи и подчиненіи себя всецѣло волѣ Божіей и промысленію его, въ упованіи на милость Божію, въ постоянно-молитвенномъ настроеніи, въ чистой семейственности, въ стремленіи къ обузданію плоти и ея похотей, въ сознаніи своего ничтожества и своей грѣховности, въ твердости и неподкупности исповѣданія истины, въ нелицемерномъ исправленіи своихъ пастырскихъ обязанностей, въ скромности, въ повиновеніи властямъ предрѣжающимъ, въ стремленіи поддержать законный порядокъ, въ удаленіи себя отъ мірскихъ чувственныхъ наслажденій и удовольствій, всегда ведущихъ къ притупленію чувствъ духовныхъ, въ постоянной напряженной борьбѣ съ невидимымъ врагомъ нашего спасенія — дьяволомъ, въ непрерывномъ бодрствованіи и стараніи не потерять той святости, которая сообщается намъ посредствомъ благодатныхъ таинствъ церкви, въ братолюбіи, въ строгой іерархической подчиненности и т. п. Въ этомъ, правда, состоятъ идеальныя особенности духовнаго сословія, но въ этомъ и вся его сила. Съ этимъ идеаломъ должны сообразоваться и всѣ попытки къ освѣженію духовенства, чтобы устранить изъ него (идеала) нечистыя примѣси, предотвратить тѣ или другія уклоненія отъ него, возстановить его чѣстность. А намъ, напротивъ, предлагаютъ нарушеніе чистоты самаго идеала. Если воздухъ очищается возстановленіемъ его свѣжести, а не привнесеніемъ въ него разныхъ стороннихъ пахучихъ веществъ и куреній, то и духовная среда должна освѣжаться возстановленіемъ ея идеальной чистоты, а не привнесеніемъ въ нее, по рецептамъ газетныхъ освѣжителей, разныхъ чуждыхъ и постороннихъ средствъ, еще болѣе могущихъ ее испортить и загрязнить. Вообразить, будто духовенство можно освѣжить такими средствами, какъ сляніе его специальныхъ учебныхъ заведеній съ свѣтскими (педагогическая нечѣлособразность которыхъ нынѣ общепризнава), или допущеніе его въ театры и на великосвѣтскіе балы, облаченіе его во фраки и пиджаки, вопреки Соборному постановленію¹⁾—есть грубѣйшее заблужденіе. Нужно лишь удивляться, какъ можетъ зародиться у людей такая прямо таки дикая фантазія, такой болѣз-

¹⁾ VI Всел. соб. пр. 27.

ненный идеалъ священника, сегодня танцующаго и ухаживающаго за дамами, а завтра священнодѣйствующаго и назидающаго прихожанъ, сегодня аплодирующаго театральной полунагой актрисѣ, а завтра воздѣвающаго свои руки горѣ и приносящаго наисвятѣйшую безкровную и спасительную жертву!.... Театры, балы, фраки и тому подобныя свѣтскіе пустяки не только не прибавятъ духовенству уваженія въ глазахъ общества, и тѣмъ болѣе простого народа, но отнимутъ и послѣднюю долю его. Самому же духовенству ничего не дадутъ, кромѣ суетности, легкомыслія, свѣтской разсѣянности и даже порочности. Масса нынѣшнихъ театральныхъ представлений скорѣе способны расположить къ пороку, чѣмъ возстановлять противъ него. Что же касается духовно-учебныхъ заведеній, отдѣленныхъ нынѣ отъ свѣтскихъ, то таковыми они и должны безусловно оставаться, въ виду особаго назначенія и воспитанія отдѣленныхъ отъ міра Самимъ Богомъ людей (Іоан. XV, 18, 19). Вопросъ можетъ быть только о возможно лучшей постановкѣ этихъ заведеній.

Умные люди и великіе писатели прежняго времени не такъ разсуждали о духовенствѣ, какъ нынѣшніе жалкіе писаки. На этотъ разъ послушаемъ, что говоритъ Гоголь: „Духовенству нашему указаны законныя и точныя границы въ его соприкосновеніяхъ со свѣтомъ и людьми. Повѣрьте, что если бы стали они встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ, или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо... Римско-католическіе попы именно отъ того сдѣлались дурными, что черезчуръ сдѣлались свѣтскими... Нужно, чтобы священникъ говорилъ стоящему среди свѣта человѣку съ какого-то возвышеннаго мѣста, чтобы не его присутствіе слышалъ въ это время человѣкъ, но присутствіе Самого Бога, внимающаго равно имъ обоемъ, и слышался бы обоюдный страхъ отъ Его незримаго присутствія. Нѣтъ, это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Хорошо, что даже самой одеждой своей, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, они отдѣлились отъ насъ. Одежда ихъ прекрасна и величественна. Это не бессмысленное, оставшееся отъ XVIII вѣка, рококо и не доскутная ничего не объясняющая одежда римско-католическихъ священниковъ. Она имѣетъ смыслъ: она по образу и подобию той одежды, которую носилъ Самъ Спаситель. Нужно, чтобы и въ самой одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чей образъ они должны представлять намъ, чтобы и на одинъ мигъ не позабылись и не растерялись среди развлеченій и ничтожныхъ нуждъ свѣта; ибо съ нихъ тысячу кратъ болѣе взыщется, нежели съ каждаго изъ насъ; чтобы слышали безпрестанно, что они, какъ бы другіе и высшіе люди... Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди

свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Опроверженіемъ такого мнѣнія служатъ все свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всехъ пустѣе. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но вдали отъ него, въ глухомъ, внутреннемъ созерцаніи въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ въ своей собственной душѣ; когда же найдешь, тогда этимъ же самымъ ключемъ отпнешь души всехъ”¹⁾.

Еще можно было бы равнодушно слушать, если бы предлагалось какое либо упорядоченіе отношеній между духовенствомъ и свѣтскими сословіями, урегулированіе бытовыхъ условій духовенства и т. п.; а то вѣдь рѣчь идетъ объ упраздненіи того, чѣмъ дышитъ духовенство, на чемъ держится его просвѣтительное и спасительное воздѣйствіе на окружающихъ людей, чѣмъ красна наша святая Православная Апостольская Церковь,—христіанскаго благочестія! Предлагаютъ изъ облагодатствованнаго православнаго пастыря сдѣлать какого-то духовныхъ дѣлъ подмастерья на свѣтской подкладкѣ.

И вотъ еще что здѣсь любопытно: почему это нашими „либераламъ“ такъ хочется нынѣ именно реформировать, „освѣжать“ и „очищать“ духовную среду? Почему они не попытаютъ своихъ голосовыхъ средствъ относительно „освѣженія“ прочихъ многочисленныхъ сферъ? Что имъ здѣсь, въ духовной средѣ, интереснаго? Отвѣтомъ на эти вопросы можетъ быть лишь одно. Русское православное духовенство—стражъ общественной правды, стражъ общественной совѣсти, стражъ общественной святости и вообще общественнаго блага. Подходятъ тати и волки—не тутъ-то было, правды украсть нельзя, общественной совѣсти не сожжешь, общественнаго блага для удовлетворенія своихъ личныхъ волчьихъ аппетитовъ не похитишь... Тутъ и поднимается вой на стражу... Поослабить бы ее, если нельзя совсѣмъ упразднить!..

Но стража стоитъ и будетъ стоять, пока стоитъ свѣтъ! Почему такъ твердо? Потому, что эту стражу поставилъ Самъ Богъ. Если часового не сдвинешь съ мѣста, пока придетъ смѣна; то тѣмъ паче никакимъ „освѣжителямъ“, хотя бы они по десяти статей въ день печатали во всехъ газетахъ и журналахъ, не сдвинуть и не ослабить этой поставленной въ мірѣ Божественной стражи. Ибо ей заповѣдано: „Нѣдци суть смущающіи вы и хотящіи превратити благовѣствованіе Христово. Но... яко же предрекохомъ и нынѣ паки глаголю, аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте, анаема да будетъ! аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ“ (Галат. 1, 7, 9, 10). Стойте же, пастыри, стерегите Божественную истину, пока придетъ и смѣнить

¹⁾ Соч. Н. В. Гоголя. Изд. Маркса. Т. V. 1893. Стр. 40, 41.

вась Тотъ, Кто вась поставилъ на стражѣ, Кто и свѣтила небесныя поставилъ на тверди!

А вы, господа, бросьте ваши утопическія и болѣзненные мечтанія „освѣжать“ то, что ближе вась стоитъ къ источнику истиннаго освѣженія жизни. Опомнитесь: вы, какъ малыя дѣти, влечете насъ въ гнилое болото или невылазную трясиину, хотя и съ заманчивыми на нихъ для дѣтскихъ глазъ цвѣтками. Вамъ кажется то мертвымъ, что стоитъ неизбежно, неизмѣнно пѣлые вѣка и десятки вѣковъ; а что вертится какъ колесо, мѣняется какъ хамелеонъ, копошится какъ куча червей — то, по вашему, содержитъ въ себѣ жизнь. Нѣтъ! Взгляните на солнце, — оно неизмѣнно, оно неподвижно... Но оно — источникъ жизни. Взгляните на разлагающійся трупъ съ кишачими въ немъ червями, — не здѣсь-ли смерть?... Перемѣните лучше вашъ крикъ на христіанскій возгласъ къ самимъ себѣ: „Давайте, освѣжмся“!

Да, совѣтуемъ именно вамъ освѣжиться, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, отъ утра нынѣшними либерально-отрицательными идеями. И это необходимое для вась освѣженіе вы найдете только тамъ, гдѣ вы теперь видите лишь „спертый воздухъ“, „сдавливашіе оковы“, „затхлую атмосферу“. Подъ сѣнію испѣляющей и всѣхъ, искренно обращающихся, принимающей въ свое лоно Церкви Божіей вы испѣлѣте и прозрите. А облагодатствованное свыше, православное духовенство наставитъ вась на путь ко спасенію... Итакъ, да освѣжитъ ваши головы и ваши сердца Господь Богъ!

Но, пусть, однакожъ, не думаютъ непризванные обновители нашей духовной среды, что мы пребываемъ какъ бы въ счастливомъ самодовольствѣ и самообольщеніи и не считаемъ нужными какія либо измѣненія къ лучшему: мы ихъ желаемъ и всей душой готовы ихъ привѣтствовать, если они клонятся къ дѣйствительному усовершенію нашей жизни, къ восстановленію нашего идеала, затемняющагося нерѣдко подъ тяжкими мірскими давленіями.

Служитель Церкви.

(Прав.-Рус. слово № 3).

Галицко-русское Благотворительное Общество въ С.-Петербургѣ.

Торжественное открытіе „Галицко-русскаго благотворительнаго общества въ С.-Петербургѣ“ состоялось 9-го февраля. Въ 8 час. вечера, въ помѣщеніи „Русскаго собранія“ совершено молебствіе, съ возгласеніемъ Царскаго многолѣтія, въ присутствіи председателя правленія новаго общества тайнаго совѣтника А. С. Будиловича, членовъ общества и многихъ почетныхъ приглашенныхъ лицъ. На эстрадѣ зала были помѣщены портреты писателей Аксакова, Погодина

и Хомякова, а также извѣстныхъ дѣятелей зарубежной Руси: протоіерея Іоанна Наумовича, Добрянскаго и Качковскаго. По окончаніи молебствія, хоръ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной церкви исполнилъ гимнъ св. Владиміру. Послѣ вступительной рѣчи председателя А. С. Будиловича, въ которой были, между прочимъ, указаны ближайшія задачи общества, секретарь В. С. Драгомирецкій ознакомилъ собраніе съ нынѣшнимъ положеніемъ общества. Въ настоящее время въ немъ состоитъ около 200 членовъ, въ томъ числѣ 5 пожизненныхъ. Капиталы общества достигли 2.000 руб. Среди 45 членовъ-учредителей находятся: Высокопреосвященный Іеронимъ, Архіепископъ Холмско-Варшавскій, преосвященный Антоній, епископъ Волинскій и Житомирскій, тайный совѣтникъ А. С. Будиловичъ, генералъ-лейтенантъ Н. П. Писаревскій, тайные совѣтники: В. С. Кривенко и А. В. Васильевъ, профессора С.-Петербургской духовной академіи: А. П. Лопухинъ, П. Н. Жуковичъ и др. По прочтеніи отчета открытіе общества привѣтствовало отъ имени „Русскаго Собранія“ членъ его совѣта А. В. Васильевъ, охарактеризовавшій въ своей рѣчи дѣятельность покойнаго Качковскаго, умершаго въ Кронштадтѣ въ 1872 году. Затѣмъ были прочитаны многочисленныя привѣтствія, полученныя обществомъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ томъ числѣ изъ Варшавы, Тифлиса, Люблина и другихъ городовъ, а также изъ-за границы. Между прочимъ, получены привѣтствія: отъ Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Саблера, члена Государственнаго Совѣта М. Н. Галкина-Враского, командующаго войсками Казанскаго военнаго округа А. И. Косыча, изъ Львова отъ О. А. Маркова и др. Послѣ перерыва І. Н. Ливчакъ произнесъ рѣчь, а затѣмъ избраны въ дѣйствительныя члены около 90 новыхъ лицъ и въ почетныя — Высокопреосвященные: Антоній, митрополитъ С.-Петербургскій и ладожскій, Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Іеронимъ, Архіепископъ Холмско-Варшавскій, преосвященный Антоній, епископъ Волинскій, и др. Во время собранія хоръ исполнилъ нѣсколько духовныхъ пѣснопѣній и Галицко-русскихъ пѣсенъ. Открывшееся общество имѣетъ цѣлю оказывать всякаго рода нравственную и матеріальную поддержку русскимъ галичанамъ. Дѣятельность эта выразится: въ снабженіи неимущихъ одеждою, пищею и пріютомъ, выдачѣ имъ, въ крайнихъ случаяхъ, денежныхъ пособій, пріисканіи нуждающимся занятій и мѣстъ, снабженіи бѣдныхъ больныхъ медицинскими пособиями и помѣщеніемъ ихъ въ больницы, содѣйствіи погребенію умершихъ, доставленіи неимущимъ средствъ для возвращенія на родину, распространеніи книгъ нравственнаго содержанія и пр.

Новое славянское братство, Галицко-русское, возникшее съ цѣлю помощи карпатскимъ русскимъ въ

ихъ тяжеломъ матеріальномъ быту и поддержки съ ними духовнаго общенія открылось 9-го февраля въ помѣщеніи русскаго собранія торжественнымъ молебствіемъ, за которымъ извѣстный проповѣдникъ свящ. Петровъ сказалъ слово. О. Петровъ проводилъ ту мысль, что населяющіе землю разныя племена и народы имѣютъ естественное стремленіе сохранять свою самобытность: они, что краски на палитрѣ великаго художника—Бога, имѣютъ свой блескъ, свой цвѣтъ, это струна, которая звучитъ своимъ звукомъ. Кто обрываетъ эту струну, кто насильственно стираетъ краски съ палитры Господней, тотъ совершаетъ великое преступленіе, духовное убійство; если же струна сама отъ себя теряетъ свою звучность, если племя отъ лѣтности, нерадѣнія, теряетъ свою самобытность, самостоятельность, то страна совершаетъ сама преступленіе—свое духовное самоубійство. Дѣло національной культуры, самобытное развитіе націи, равносильно дѣлу общечеловѣческому, ибо все націи и всехъ людей должна связывать идея любви Христовой, что совершится, когда все сольются въ одно, чтобы едиными устами и единымъ сердцемъ славить Творца всехъ. Но пока пусть хотя единоплеменные поддерживаютъ братьевъ своихъ. Съ этою цѣлью возникшее Русское собраніе представляетъ дѣло отрадное: оно показываетъ, что нѣтъ препятствій для братской любви, что любовь братская переходитъ черезъ Карпаты и Балканы, и съ напутствіемъ-молитвою открываетъ сегодня Галицко-русское братство; оно первое да послужитъ началомъ общеславянскаго братства, да будетъ первою ласточкою въ веснѣ славянской любви, и дай Богъ, чтобы любовь эта побѣдила все препятствія, перешагнула бы и черезъ Балканы и черезъ Альпы человѣческой вражды и злобы и всехъ соединила въ одно цѣлое, въ которомъ, по словамъ апостола нѣтъ ни іудея, ни еллина, но все и для всехъ Христось. Это высокій идеалъ будущаго, а пока намъ нужно приложить силы, чтобы сообразно своей мягкой русской природѣ содѣйствовать образованію кружковъ среди единоплеменныхъ братьевъ въ одномъ стремленіи любви братской и духовнаго общенія и пусть въ аккордахъ міра Божіи всегда любовью звучитъ русская струна.

Предсѣдатель общества г. с. Будиловичъ сдѣлалъ сообщеніе о племенныхъ и культурныхъ отношеніяхъ Червонной Руси. Мы не знаемъ времени,—говорилъ ораторъ,—когда бы на русскихъ среднихъ Карпатахъ не было русскаго племени; были и проходили тутъ разныя племена, но всегда кореннымъ населеніемъ была Русь. Здѣсь мѣсто и преданію о Святогорѣ Богатырѣ. Карпатскія горы—Святія горы для Руси и 2,000 лѣтъ служатъ они твердыней Русскому племени. Но татары, мадьяры, поляки, вѣмцы и евреи наносили жестокіе удары, поколебали вѣру, но все же изъ указаній оратора видно, что связь Червонной Руси съ православьемъ сохранилась. Но что особен-

но сохранила Червонная Русь, это—связь литературную съ нами. Враждебныя силы стремились ополячить Галичину, овѣмчить Буковину, омадьярить Угорщину,—они и самое названіе русскихъ замѣнили рутенами-русинами. Орагоръ картинно обрисовалъ политическія ухищренія враговъ славянства порвать связь русскихъ австрійскихъ съ русскими въ Россіи, причислить первыхъ къ малороссамъ, чтобы раздѣлить великое цѣлое; русскіе карпатскіе тяготѣли къ намъ, но многіе изъ насъ даже не знали о нихъ. Ораторъ изъ официальныхъ данныхъ указывалъ вліяніе заграничной сепаратистской пропаганды въ предѣлахъ Россіи съ цѣлью сорвать русскія племена и потому пришелъ къ заключенію, что въ интересахъ даже нашего благополучія обратить вниманіе на червонно-русскія области. Новое братство, хотя чисто благотворительное, да будетъ поддерживать духовную связь между членами одного племени.

Затѣмъ г. Васильевъ въ своей рѣчи вспоминалъ жизнь и труды дѣятелей Зарубежной Руси,—Добрянскаго, Качановскаго, прот. Наумовича, Мелчина, Площанскаго и друг. Тяжелы были ихъ труды, ибо Вѣнское правительство Австріи употребляло все усилія на подавленіе тѣхъ народностей, которыя на свою голову исторгли ее изъ огня революціи. Было прочитано много телеграмъ и привѣтствій; въ числѣ ихъ отъ Мочуховскаго (ред. „Страхопуда“), Маркова (ред. „Галичанина“), убѣждавшаго русскихъ въ Россіи узнать и увѣриться, что есть русскіе въ Карпатахъ и ихъ 3 1/2 милліона. Живутъ тамъ уже болѣе 1,000 лѣтъ. Въ числѣ привѣтствій русскихъ людей были отъ сенатора Саблера, генер. Косича (командующаго Виленскимъ округомъ), отъ профессоровъ.

Послѣднимъ г. Ливчакъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о современномъ положеніи русскихъ въ Карпатахъ.

В. Пр—евъ.

Мысли законоучителя о предметѣ своихъ занятій въ средней свѣтской школѣ.

(Окончаніе)*).

III

Далѣе. Согласно автору разбираемой нами статьи, мы съ своей стороны охотно подтверждаемъ неудовлетворительность нынѣ принятыхъ учебниковъ Закона Б. въ дидактическомъ отношеніи; но отрицаемъ трудность отъ этого для школьныхъ занятій въ такой мѣрѣ, въ какой силится представить нашъ авторъ. Облегчать всякаго рода трудности учебныхъ занятій, сводить ихъ до минимума—это дѣло преподавателя. На долю законоучителя падаетъ высшая степень трудности, а не на дѣтскую голову.

*) См. № 9.

Въ подтвержденіе нашей мысли сошлемся на естественный ходъ классныхъ занятій прежде всего по библейской исторіи.

Чтобы не опустить изъ виду всѣхъ требованій отъ классныхъ занятій, объемъ которыхъ для законоучителя точно опредѣленъ программой 1890 года, а общій характеръ и цѣль преподаванія отчетливо намѣчены объяснительной запиской, законоучителю придется избрать не иной путь, какъ только такой: 1) прочитавъ изучаемое событіе по церковно-славянскому тексту Библии, объяснить малопонятныя слова и выраженія; 2) прочитавъ въ изложеніи учебнаго руководства тоже событіе и опять уяснить выраженія, затруднительныя для дѣтскаго пониманія, если таковыя по опросѣ окажутся; 3) передать тоже событіе живой, близкой къ первоисточнику своей рѣчью, доступной дѣтямъ, но безъ поддѣлки фактовъ подъ дѣтское міропредставленіе и вкусы въ ущербъ точности разказа, какъ это допустилъ прот. А. Соколовъ въ своей „Свящ. исторіи въ простыхъ разказахъ“ (Москва. 1890 г.); 4) воспроизвести выслушанный разказъ, привлекая возможно большее число слушателей, присовокупляя при этомъ ихъ пересказъ назидательные выводы, слѣдующіе со всей очевидностію изъ изучаемаго событія; а въ заключеніе остается связать и сопоставить изучаемое событіе съ общей идеей одного изъ Завѣтовъ.

Кажется, послѣ такой всесторонней разработки любого урока библейской исторіи, будетъ очевиднымъ, что вся почти тяжесть труда классныхъ занятій падаетъ на законоучителя. Силы учащихся здѣсь затрогиваются по столько, по скольку это необходимо и согласно съ дидактическими основными положеніями. Но изъ-за этого положеніе преподавателя не такъ ужъ тягостно. Въ процессѣ передачи знаній ученикамъ, въ ихъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу, въ замѣтномъ возрастаніи ихъ силъ, ихъ понятливости законоучитель, какъ и всякій учитель въ подобныхъ условіяхъ, будетъ черпать свое увлеченіе, интересъ и вдохновеніе и съ неоскудѣвающей энергіею будетъ приниматься всякій разъ за свои занятія.

Въ разбираемой нами статьѣ предметомъ особенной трудности считается курсъ Богослуженія. Конечно этотъ курсъ Закона Б., въ сравненіи съ библейской исторіей, посерьезнѣе. Но если преподаватель проникнется духомъ требованій законодателя объ этомъ дѣлѣ и будетъ, какъ и всегда, соображаться съ ходомъ развитія дѣтской души, то ни ему, ни его слушателямъ, изученіе Богослуженія не представитъ даже такой трудности, какъ библейская исторія.

Уроки Богослуженія у него будутъ состоять изъ объяснительнаго чтенія и заучиванія важнѣйшихъ молитвъ и пѣнопѣній. Церковно-славянскій языкъ, вопреки увѣреніямъ автора, съ которымъ здѣсь имѣемъ дѣло, не есть terra incognita для учениковъ. Благодаря обилію уроковъ Закона Б. въ приготовительномъ классѣ, законоучителю предоставляется благая возможность заблаговременно обучить славянской грамотѣ ввѣренныхъ ему духовныхъ чадъ. Къ тому обязываетъ его примѣрная программа, которая въ число учебныхъ пособій приготовительнаго класса ставитъ Учебный Часословъ и Учебную Псалтырь. А при занятіяхъ библейской исторіи, занятіе церковно-славянскимъ чтеніемъ, согласно предписаніямъ программы, продолжается. Слѣдовательно, и при нынѣшнемъ распорядкѣ курса Закона Божія по классамъ, ученики гимназіи имѣютъ возможность и должны быть достаточно ознакомлены и приучены къ богослужебному языку. А если учащимся открытъ ключъ разумѣнія въ богослужебной поэзіи, приучить, какъ подмѣчать и раскрывать тропы, обычно употребляемые у церковныхъ пѣнописцевъ, то усвоеніе пѣнопѣній еще заинтересуетъ ихъ. Послѣ этого

усвоеніе текста пѣнопѣній гораздо легче будетъ заучиванія стихотвореній на русскомъ языкѣ, (не говоря уже о иностранныхъ, что теперь практикуется даже въ I классѣ на урокахъ нѣмецкаго языка и не вызываетъ никакихъ жалобъ). При такихъ условіяхъ не будетъ ничего похожего „на зубрычку трудныхъ мало понятныхъ матерій“.

Порядокъ или чинъ Богослуженія тоже не представитъ особаго затрудненія, если классное изученіе церковныхъ службъ дополнить и закрѣпить чрезъ нарочитое наблюденіе за ходомъ Богослуженія въ храмѣ. Стоитъ только преподавателю, раздѣливъ учащихся на группы по 4—5 человекъ и находясь съ ними въ алтарѣ, прослѣдить раза три съ каждой группой по богослужебнымъ книгамъ ходъ вечерней и дневной службы во время ея совершенія, и они, учащіяся, легко, свободно и навсегда усвоятъ себѣ въ существенномъ порядкѣ употребительнѣйшихъ службъ, прослѣдивъ ихъ совершеніе по богослужебнымъ книгамъ. Слуховыя, зрительныя и даже осязательныя впечатлѣнія, взаимно сплетаясь, образуютъ навсегда прочный слѣдъ въ ихъ душѣ.

Послѣ всего сказаннаго о возможности достаточнаго знакомства со славянскою грамотой для учащихся въ гимназіи дѣтей, будетъ очевиднымъ преувеличеніе трудностей при усвоеніи катихизиса даже по руководству митроп. Филарета. Славянизмы катихизиса ничуть не затрудняютъ ихъ и они сами легко, гдѣ это дѣйствительно нужно, передадутъ ихъ современному русскому рѣчью. Нападки на славянизмы тѣмъ болѣе странны, что „древне-русскія и церковно-славянскія слова служатъ къ вышшей силѣ, красотѣ и выразительности слога“ (Радонежскій, Уроки теоріи словесности. СПб. 1900 г. стр. 8). Славянизмы въ большомъ употребленіи у нашихъ поэтовъ, даже нашихъ современниковъ, не говоря уже о Пушкинѣ, и это не ставится имъ въ упрекъ. Нападки на славянизмы и непослѣдовательны въ то время, когда „наша современная рѣчь, устная и письменная, переполнена безъ всякой надобности иноязычными словами, которыя терзаютъ слухъ, совершенно засоряютъ рѣчь, мутятъ и затемняютъ мысль“ (Радонежскій. стр. 7.). Отъ этого вражескаго вторженія иностранныхъ словъ въ богатѣйшій русскій языкъ, языкъ выразительный по своей силѣ и простотѣ произношенія слова, славянизмы скорѣе будутъ очищать русскую рѣчь, чѣмъ затемнять и портить.

Вооружаться противъ употребленія текстовъ свящ. Писанія на славянскомъ языкѣ—дѣло большого недомыслия. Есть что-то возвышенное, почти божественное въ славянскою рѣчи, что прямо неуловимо для передачи въ русской рѣчи. А потому замѣна славянскою рѣчи русскою поведетъ къ утратѣ того величія и обаянія въ выраженіи мысли, какое мы выносимъ изъ чтенія и назиданія свящ. Писаніемъ въ славянскомъ переводѣ. И лишать учащихся дѣтей благотворнаго вліянія славянскаго языка было бы не малымъ ущербомъ для закрѣпленія въ нихъ любви къ родному, православному въ его старинѣ.—Не безцѣльно и заучиваніе наизусть текстовъ св. Библии нашими учениками: они не такъ легко забываютъ ихъ: напротивъ, и по выходѣ изъ школы, знаемъ примѣры, пользуются ими и примѣняютъ при томъ или другомъ подходе къ случаю жизни.

Упреки катихизису въ запутанности изложенія напрасны. Не запутанность въ немъ, которой не усматриваемъ, смущаетъ учащихся, сжатость рѣчи, въ силу чего мысль построена тутъ не рядомъ образовъ, картинъ, а рядомъ концепцій, или общихъ понятій. Эта особенность катихизиса давно отмѣчена знатоками учебной литературы Закона Божія. Вотъ тутъ то, при преподаваніи катихизиса, работа законоучителю: точно и обстоятельно раскрыть сжато выра-

женныя катихизическія подоженія, отчетливо уяснить ихъ дѣтскому пониманію, указать пути и образцы вѣры и благочестія въ лицѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ для наглядности и большей дѣйственности изученія; и тогда всякія кажущіяся и дѣйствительныя трудности школьнаго изученія катихизиса если не совершенно будутъ устранены, то во всякомъ случаѣ сведены до минимума.

IV

Общія сужденія автора подлежащей нашему обозрѣнію статьи о значеніи учебника въ классныхъ занятіяхъ также преувеличены. Роль учебника въ школьныхъ занятіяхъ давно уже твердо установлена здравой педагогикой и мы много распространяться объ этомъ здѣсь не станемъ. Скажемъ одно. Центральное руководящее значеніе въ школьномъ дѣлѣ принадлежитъ преподавателю. Это давно уже высказано въ педагогической литературѣ. Отъ преподавателя зависитъ приспособить изучаемый матеріалъ къ дѣтскому пониманію и облегчить его усвоеніе. Если въ классѣ разработка урока производится умѣло, съ соблюденіемъ экономіи дѣтскихъ силъ и экономіи времени, то учебникъ сохранитъ только характеръ справочной книги, на случай временнаго изглаженія изъ памяти ученика того или другого факта. А если бы учебникъ былъ „все“, тогда роль преподавателя сводилась бы къ простому выслушиванію усвоеннаго изъ учебника и знаменитому въ старыя времена указанію: отсель... досель... да еще съ отчеркиваніемъ заданнаго урока при помощи ногтя. Но возвратъ къ такой печальной старинѣ унижалъ бы, угнеталъ учебное дѣло, а не облегчалъ.

Сѣтованія нашего автора на малочисленность учебниковъ Закона Б.—простое недоразумѣніе. Число ихъ не такъ ужъ ничтожно, какъ ему кажется. По каждому отдѣлу изъ гимназическаго курса Закона Б. въ нашей учебной литературѣ имѣется свыше десятка учебныхъ системъ. Вотъ позднѣйшія по времени появленія руководства по библейской исторіи: Благовѣстіе о земной жизни Господа нашего І. Христа прот. Городцова. СПБ. 1901 г. цѣна 60 коп. и Учебная Книга новозавѣтной исторіи свѣт. М. Фивейскаго. По курсу Божеслуженія въ послѣднее время вышло въ свѣтъ четыре руководства: прот. Городцова и Знаменскаго, свѣт. Темномѣрова и Новика; изъ нихъ лучшее—Знаменскаго (Симферополь. 1901 г. цѣна 60 к.). По катихизису только одно новѣйшее руководство—свѣт. С. Петровскаго (въ Одессѣ), прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ. Но чтобы среди этихъ упомянутыхъ и прежде изданныхъ учебныхъ руководствъ можно было указать идеально построенный учебникъ, этого нельзя сказать. Составленіе учебника, вполне отвѣчающаго своему назначенію, дѣло чрезвычайныхъ трудностей, дѣло, требующее, можетъ быть, болѣе всесторонней и основательной подготовки, чѣмъ написаніе диссертации на ученую степень. Составителю учебника нельзя ограничиться простымъ сокращеніемъ системы какой либо науки, прослушанной имъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, или—перифразомъ, передѣлкой и сведеніемъ во едино всѣхъ изданныхъ до него руководствъ. Ему понадобится, прежде чѣмъ приступить къ написанію книги, многолѣтняя подготовка на изученіе матеріала и не мало личнаго педагогическаго опыта. Нужно, чтобы фактический матеріалъ былъ надлежащимъ образомъ проверенъ, а въ изложеніи чтобы было полное согласіе съ требованіями здравой педагогики. Нужна въ учебникѣ краткость, но безъ сухости изложенія, нужна простота и ясность изложенія. Надъ каждымъ излагаемымъ фактомъ составителю учебной книги нужно приостановиться мыслію, насколько онъ нуженъ учащимся въ общей суммѣ знанія, нужно надъ каждымъ выраженіемъ подумать, будетъ ли оно правильно понято юными читателями. Значитъ, вопреки двумъ крайностямъ

образованія, односторонне матеріальной и односторонне формальной, необходимо, чтобы извѣстная сумма знаній была изложена въ учебникѣ такъ, чтобы при его изученіи затрагивались всѣ познавательныя силы учащихся, соответственно ихъ возрасту. Всѣ высказанныя требованія отъ учебника таковы, что если въ нихъ вдуматься, то нельзя не признать составленіе учебника дѣломъ серьезнѣйшей трудности. Хорошій учебникъ не только вкладъ, но и кладъ въ литературѣ извѣстнаго предмета. Много у насъ докторскихъ диссертаций, распутовающихъ разныя тонкости науки, и почти нельзя назвать и одного вполне безукоризненнаго учебнаго руководства для любого изъ предметовъ гимназическаго курса; развѣ только Физика Краевича будетъ исключеніемъ. Поэтому не можемъ не высказать порицанія нѣкоторымъ молодымъ преподавателямъ, которые чуть ли не на первомъ году своей службы приступаютъ къ сочинительству и тѣмъ увеличиваютъ и безъ того лишній балластъ въ нашей учебной литературѣ.

Будемъ ожидать, что въ нашъ вѣкъ, который уже не безъ основанія называется „педагогическимъ“ (Das Jahrhundert des Kindes, Studien von E. Key. Berlin. 1902), въ виду замѣтнаго преобладанія въ немъ педагогическихъ идей, при неоскудѣвающей энергіи и истинности человѣческаго ума, труженика и въ педагогической области, дойдутъ до высокихъ результатовъ, и появятся учебныя руководства возможно высокой степени совершенства. Но и тогда самый лучший учебникъ, все-таки книга мертвая, не замѣнитъ порядочнаго преподавателя. Только живая личность способна произвести надлежащее благотворное психическое воздѣйствіе на другую личность.—При самомъ лучшемъ учебникѣ нужно ученику указать и отгѣнить болѣе существенное отъ менѣе существеннаго, сдѣлать, смотря по обстоятельствамъ, измѣненія, сокращенія и дополненія, прокомбинировать тотъ же матеріалъ въ иномъ построеніи для большей отчетливости усвоенія. Значитъ, во всякомъ случаѣ на долю преподавателя останется много труда и усилій при классныхъ занятіяхъ. Высшая степень тяжести школьнаго труда всегда будетъ удѣломъ учащаго, а не учащагося люда. Эти соображенія объ учебникѣ и учитель относятся въ равной мѣрѣ къ Закону Божію, какъ и ко всякому учебному предмету нашей средней школы.

Если же при всѣхъ стараніяхъ преподавателя и при удачно подобранномъ учебникѣ, когда либо для того или другого ученика извѣстный урокъ покажется труднымъ, то изъ-за этого нельзя винить и клеймить тотъ или другой учебный предметъ. Ибо не смотря на все, извѣстная степень горечи труда, тяжести труда сохраняется и даже обуславливаетъ радости отъ него. Такъ это бываетъ въ той или иной мѣрѣ во всякомъ дѣлѣ, занятіи и профессіи. Слѣд. извѣстная степень трудности дѣла должна падать и на дѣтскіе годы. Не все же для дѣтей будетъ забава и развлеченіе.

Послѣ всего сказаннаго, кажется, будутъ достаточно очевиднымъ всѣ преувеличенія автора ст. „Законъ Б. и экономія дѣтскихъ силъ“ и нѣк. одностороннія сужденія его и поспѣшныя обобщенія, какъ по общимъ педагогическимъ вопросамъ, такъ особенно о постановкѣ преподаванія З. Б. въ гимназіяхъ. Тѣмъ не менѣе всѣ разсужденія его не лишни, такъ какъ это свидѣтельствуетъ, что интересъ къ „первенствующему предмету школы овладѣваетъ умами мыслящихъ людей, кои и пытаются начертать возможно лучшую его постановку, чтобы тѣмъ избѣжать нынѣ существующихъ неудобствъ.

Священникъ Вл. Гобчанскій.

Замѣтка о церкви во имя Св. Троицы въ селѣ Гродискѣ, Сѣдлецкаго благочинническаго округа, Соколовскаго уѣзда.

Въ различныхъ пунктахъ здѣшней мѣстности построены великолѣпные каменные костелы, которые придаютъ ей характеръ страны латино-польской, а между тѣмъ земля между Сѣдлцемъ и Дрогичиномъ несомнѣнно древле-Русская, православная. О древности восточнаго православія въ здѣшней мѣстности, а слѣдовательно и мѣстной церкви свидѣтельствуетъ находящаяся вблизи церкви обширная старинная крѣпость „Городище“ временъ ятвяговъ, съ которыми, какъ извѣстно изъ исторіи, воевалъ Св. Владимиръ, и онъ можетъ быть первый насадилъ здѣсь христіанство и основалъ первоначально здѣшнюю церковь. Если это предположеніе нельзя доказать, то о несомнѣнной древности мѣстной церкви свидѣтельствуютъ слѣдующіе предметы, пожертвованные въ Гродискую церковь на вѣчное поминовеніе.

1. Надпись на иконѣ Св. Апостоловъ Петра и Павла говоритъ, что Гродискская церковь принадлежала къ Дрогичинскому „Протопопѣ“, городъ же Дрогичинъ несомнѣнно древле Русскій, православный городъ.

2. Изъ инвентарной описи 1853 года видно, что въ Гродиской церкви былъ кіотъ древней скульптурной работы, подаренный Гродиской церкви Иосаномъ Смогаржевскимъ, митрополитомъ всея Руси, умершимъ въ 1788 г.

3. Икона Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ рукахъ древней живописи, которая въ народѣ почитается чудотворной, во сказаній о Ея явленіяхъ не сохранилось.

4. Нѣсколько иконъ древней-Суздальской живописи, прекрасной работы.

5. Напрестольное Евангеліе, первое изданіе Виленскаго братства, напечатанное при Преосвященнѣйшемъ архіепископѣ „Лонѣ“, митрополитѣ Кіевскомъ и Галицкомъ и всея Руси, въ 1575 году; несомнѣнно, что это Евангеліе, имѣющее 327 лѣтъ, находится въ Гродиской церкви 175 лѣтъ.

6. Серебрянный, восмиконечный съ поперечными параллельными перекладинами крестъ, имѣющій 252 года.

7. Нѣсколько несомнѣнно старинныхъ чашъ.

8. Наконецъ, біблія, изданіе Кіево-Печерской лавры, напечатанная при архимандритѣ Зосимѣ въ царствованіе императрицы Екатерины Великой въ 1779 году.

Всѣ выше перечисленные предметы, доказывая несомнѣнную древность Гродиской церкви, свидѣтельствуютъ и о томъ, что Гродискская церковь была нѣкогда славной и всѣмъ извѣстной. Стараніями латинниковъ іезуитовъ Гродискская церковь во времена уни

была приведена въ крайній упадокъ и лишь ради ея древности и прежней славы православные христіане оберегли ее отъ той участи, какая постигла сосѣдній въ селѣ Зубровѣ православный храмъ, который былъ обращенъ въ костель, существующій и въ настоящее время.

Еще до воссоединенія бывшихъ греко-униатовъ съ православною церковью въ 1875 году, когда польская пропаганда подготовляла возстаніе 1862 года, Гродискіе прихожане были оторваны отъ своей родной матери церкви и потому во время воссоединенія не воссоединились съ православною церковью, а стали „упорствующими“, какими они за исключеніемъ немногихъ остаются и по настоящее время.

По милости Божіей и добрыхъ людей Гродискій храмъ внутри приведенъ въ порядокъ и украшенъ; но наружный видъ его крайне ветхій. Куполь и крестъ на церкви покосились, деревянная крыша совершенно испортилась, вслѣдствіе чего строильная сѣтъ, потолки и балки гвѣютъ; по ветхости обшивки сквозь стѣны храма пробивается дождь, вслѣдствіе чего и стѣны храма во многихъ мѣстахъ прогнили. Надежда только на помощь добрыхъ русскихъ людей!

Священникъ Владиміръ *Вашикевичъ*.

С. Гродискъ Сѣдлецк. губ.
ст. Соколовъ.

Портреты варшавскихъ іерарховъ православной церкви.

Въ покояхъ Архіепископа Холмскаго и Варшавскаго въ одной изъ залъ помѣщены портреты, довольно большихъ размѣровъ, всѣхъ іерарховъ русской Церкви, святительствовавшихъ въ Варшавѣ со дня учрежденія здѣсь православной епископской кафедры до нашихъ дней. Такихъ портретовъ семь; изъ нихъ шесть тонкой кисти. Всѣ они въ золоченныхъ рамахъ, но безъ надписей. Посѣщающіе Владыку и представляющіеся ему—даже духовенство, во время ожиданій въ пріемной залѣ постоянно осматриваютъ портреты и при этомъ спрашиваютъ другъ друга: „Какой это Митрополитъ или Архіерей?“ Если при этомъ нѣтъ кого-либо изъ знающихъ, то вопросы эти такъ и остаются не разрѣшенными.

Высокопреосвященный Геронимъ, желая восполнить этотъ пробѣлъ, распорядился, чтобы на рамахъ портретовъ были укрѣплены мѣдныя позолоченныя дощечки съ соответственными надписями. Надписи предполагаются слѣдующія: на первомъ портретѣ: „*Антоній*, первый православный Епископъ варшавскій: хиротонисованъ 8 іюля 1834 г. съ наименованіемъ „Епископъ варшавскій, Викарій волынской епархіи“. Высочайшимъ указомъ 1 октября 1840 г. возведенъ въ санъ Архіепископа, съ преобразованіемъ варшавскаго Викарі-

ата въ самостоятельную епархію и съ наименованіемъ Архіепископомъ варшавскимъ и новогоріевскимъ. Такимъ же указомъ 17 января 1843 г. возведенъ въ санъ Митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго; скончался 16 ноября 1848 г. въ С.-Петербургѣ. На второмъ портретѣ: „*Никаноръ*, Архіепископъ варшавскій и новогоріевскій и священно-Архимандритъ Почаевскія усупенія лавры, съ подчиненіемъ ему волынской епархіи съ 17 января 1843 по 4 ноября 1848 г., а съ того времени Митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій скончался 17 сентября 1856 г. въ С.-Петербургѣ”. На третьемъ: „*Арсеній*, Архіепископъ варшавскій и новогоріевскій, священно-Архимандритъ почаевскія лавры, съ подчиненіемъ ему волынской епархіи съ 4 ноября 1848 года по 17 іюля 1860 г., а съ того времени Митрополитъ кievскій и галицкій: скончался 28 апрѣля 1876 г. въ С.-Петербургѣ”. На четвертомъ: „*Іоанннкій*, Архіепископъ варшавскій и новогоріевскій съ 17 іюля 1860 г., съ изытіемъ изъ его вѣдѣнія епархіи волынской; съ 1875 г. — Архіепископъ холмскій и варшавскій; съ 16 ноября 1875 г. Архіепископъ херсонскій и одесскій: скончался 1 марта 1877 г. въ Одессѣ”. На пятомъ: „*Леонтій*, Архіепископъ холмскій и варшавскій съ 16 ноября 1875 г. по 17 ноября 1891 года, а съ того времени Митрополитъ московскій; скончался 1 августа 1893 г. въ Москвѣ”. На шестомъ: „*Флавіанъ*, съ 16 ноября 1891 г. Епископъ, а съ 15 мая 1892 г. Архіепископъ холмскій и варшавскій по 1898 г., съ того времени экзархъ Грузіи, затѣмъ Архіепископъ харьковскій, а съ 1903 г. Митрополитъ кievскій и галицкій”. На седьмомъ: „*Іеронимъ*, Архіепископъ Холмскій и Варшавскій съ 27 февраля 1898 года”.

Нельзя не привѣтствовать такого распоряженія нашего Владыки. Всякій, прочитавшій эти надписи у портретовъ, прочтетъ одновременно коротенькую исторію нашей православной церковной іерархіи въ этомъ краѣ со дня учрежденія здѣсь Епископской каѳедры. Кромѣ того, въ случаѣ переноса портретовъ въ послѣдствіи въ другія помѣщенія, они будутъ размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ. Наконецъ, когда по прошествіи столѣтій портреты, волею судьбы, очутятся въ ризницахъ, бібліотекахъ, на хорахъ и т. п. помѣщеніяхъ, какъ это вообще бываетъ, изслѣдователи старины не затруднятся при своихъ научныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ въ распознаніи какого іерарха изображаетъ данный портретъ. *М. Ус.* (Варш. Дн.)

НЕКРОЛОГЪ.

Священникъ Юліанъ Подсонскій.

Волею Божіею 9 января с. г. скончался настоятель прихода Цыцовъ, Холмскаго уѣзда, священникъ

Юліанъ Подсонскій, на 60 году жизни. Неожиданно внезапная кончина его поразила не только прихожанъ его, но и всѣхъ его собратій — сосѣдей. Въ день своей смерти съ утра онъ былъ вполне бодръ и совершалъ еще погребеніе младенца; священники — сосѣди вѣдѣли его въ благополучномъ здравіи на соборчикѣ 2 января. Въ послѣдній день своей земной жизни о. Подсонскій послѣ обѣда почувствовалъ ознобъ и окутавшись шубою легъ обогрѣться и отдохнуть. Спустя часъ времени, сынъ его, находившійся въ смежной комнатѣ, услышалъ какое-то неестественное храпѣніе отца и поспѣшилъ къ нему, но засталъ его уже въ послѣднихъ предсмертныхъ судорогахъ. Тихо и безболѣзненно почилъ онъ сномъ смерти. Покойный о. Подсонскій въ послѣдніе годы страдалъ по временамъ приступами астмы и кровохарканіемъ.

Покойный о. Подсонскій былъ уроженцемъ австрійской Галиціи, сынъ священника. Прошедши полный курсъ наукъ гимназіи въ Галиціи, онъ поступилъ въ Холмскую духовную семинарію, образованіе въ которой успѣшно окончилъ въ 1872 году. Въ томъ же году, посвященный въ санъ священника, онъ назначенъ былъ настоятелемъ прихода Могильница, а въ слѣдующемъ 1873 г. перемѣщенъ въ с. Цыцовъ, гдѣ священствовалъ до конца своей жизни. Овдовѣвъ въ первыхъ годахъ священства, онъ всецѣло посвятилъ себя служенію церкви и народа. Оставшійся первенецъ сынъ его малютка былъ единственнымъ утѣшеніемъ въ его скорбной, одинокой, вдовой жизни. Въ теченіе 20 лѣтъ онъ неуспынно и ревностно трудился на пастырскомъ поприщѣ, просвѣщая, назидавая и укрѣпляя врученную ему духовному водителству паству въ православной вѣрѣ и преданности своей матери-церкви. Плоды своихъ пастырскихъ трудовъ и утѣшеніе онъ видѣлъ въ томъ, что паства его, внявши его благожелательному голосу, съ любовью воссоединилась съ православною церковію и осталась до нынѣ вѣрною и преданною ей, почти не зная того религіознаго недуга — упорства, которымъ болѣютъ еще многіе приходы. Только съ 1897 г., съ присоединеніемъ къ Цыцовскому приходу нѣсколькихъ деревень Березинской гмины, вошло въ сей приходъ незначительное количество упорствующихъ, разбѣянныхъ по этимъ деревнямъ среди сплошнаго р.-католическаго населенія. Будучи характера миролюбиваго и общительнаго, о. Подсонскій пользовался любовью и уваженіемъ не только среди своихъ прихожанъ, но и иновѣрцевъ — р.-католиковъ и нѣмцевъ — колонистовъ, во многомъ числѣ населяющихъ районъ Цыцовскаго прихода. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ держалъ себя съ достоинствомъ и авторитетно; его благоразумно-тактическая дѣятельность въ приходѣ заставляла и иновѣрныхъ духовныхъ представителей съ уваженіемъ относиться къ нему. При встрѣчахъ съ ксендзами ближайшаго Пугачевскаго костела и

люблинскимъ пасторомъ, посѣщавшимъ иногда своихъ прихожанъ нѣмцевъ, онъ властно и смѣло заявлялъ имъ: „не трогайте и не смущайте моихъ овецъ, въ противномъ случаѣ я не потерплю“. Авторитетное его слово вліяло и на нихъ. Бодрственно оберегая своихъ прихожанъ отъ вражескихъ наветовъ и смущеній, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ усердно стремился къ просвѣщенію и воспитанію прихожанъ и молодое ихъ поколѣніе въ духѣ православной вѣры и русской народности. Для успѣшнаго достиженія сей цѣли, по его ходатайству, открыто, кромѣ существовавшего въ с. Цыцовѣ министерскаго училища, двѣ церковно-приходскія школы въ приписныхъ глухихъ деревняхъ, въ которыхъ обучается нынѣ 72 дѣтей обоего пола. Съ благотѣльной же цѣлью учреждено имъ въ 1895 г. въ приходѣ „общество трезвости,“ въ которомъ числится 30 человекъ членовъ. — Не оставялъ покойный о. Подсонскій своею пастырскою заботливостію и приходскаго храма, который, представляя собою въ архитектурномъ отношеніи прекрасное каменное зданіе, внутри раскрашенъ приличными узорами, а снаружи въ 1901 г. заново оштукатуренъ и побѣленъ и тогда же устроена вокругъ него новая деревянная рѣшетчатая ограда. Такая усердная попечительность о. Подсонскаго о благоустройствѣ прихода и храма располагала къ нему сердца прихожанъ, которые свои искреннія чувства соболѣзнованія объ утратѣ своего добраго пастыря ясно обнаружили при его погребеніи, собравшись въ такомъ множествѣ, что довольно обширный храмъ не могъ вмѣстить и половины желавшихъ помолиться въ немъ за усопшаго своего духовнаго отца. Въ числѣ этого многочисленнаго собранія было много нѣмцевъ—колонистовъ и р.-католиковъ, которые совместно съ православными сопровождали погребальное шествіе на кладбище. Отдача послѣдняго цѣлованія продолжалась больше часа времени, вслѣдствіе чего погребеніе затянулось до вечера.

Отпѣваніе и погребеніе совершено 13 января мѣстнымъ благочиннымъ, священникомъ Діомидомъ Волкановичемъ при участіи 9 священниковъ. Заупокойная литургія въ этотъ день совершена тѣмъ же благочиннымъ въ сослуженіи 4 священниковъ. При этомъ печальномъ торжествѣ произнесено было четыре надгробныхъ поученія: священникомъ Е. Чайковскимъ при выносѣ тѣла изъ дома, — священникомъ П. Верешко за литургією, — благочиннымъ при отпѣваніи, и священникомъ Е. Сальвицкимъ на кладбищѣ при опусканіи тѣла въ могилу. Литургію и отпѣваніе прекрасно пѣлъ хоръ Бозекскаго прихода, самый

лучшій въ округѣ, подъ управленіемъ тамошняго псаломщика Н. Бойко.

Вѣчная память и царство небесное доброму пастырю и сослуживцу, о. Юліану! С. Д. В.

Замѣтки

— Къ прославленію Серафима Саровскаго. 19 іюля 1903 года въ Саровекой пустыни предстоитъ открытіе мощей отца Серафима. Ожидается до 300 тыс. богомольцевъ; назначено 1½ тыс. войскъ и двѣ сотни казаковъ. Монахи строятъ досчатые бараки для простолюдія и отдѣлываютъ зданія ремесленнаго училища подъ гостиницу. Саровская пустынь отстоитъ отъ г. Темникова въ 40 вер. и отъ Арамакса въ 50 верстахъ. Кругомъ—глухіе лѣса на сотню верстъ.

(Воскресный день).

— Р.-Католичество въ Привислинскомъ краѣ. Римско-католическое населеніе Привислинскаго края достигаетъ 7,282,482 душъ обоего пола, изъ коихъ 1,638,835 душъ находится въ варшавской діоцезіи, 1,244,129 — въ люблинской, 1,221,193 — въ куявско-калшиской, 913,665 — въ кѣлепкой, 796,614—въ плоцкой, 775,273—въ сандомирской и 691,773 — въ сейненской. Костеловъ и часовенъ имѣется 2,470, приходоу 1,546, такъ что на 1 приходъ въ среднемъ приходится 4,710 душъ. Число ксендзовъ достигаетъ 2,913, въ томъ числѣ 129 монаховъ, монахинь—84 и сестеръ милосердія (шаритокъ)—397, т. е. въ среднемъ 1 ксендзъ приходится на 2,500 жителей, одна сестра милосердія на 18,344. Въ 7 духовныхъ семинаріяхъ и петербургской академіи обучается 570 клериковъ, такъ что въ среднемъ въ ксендзы идетъ одинъ человекъ на каждыя 12,776 душъ населенія. (Варш. Дн.)

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ФЕЛИКСЪ ГУРЦМАНЪ.

Варшава, желѣзная брама. при Саксонскомъ саду № 2.

Магазинъ мануфактурныхъ товаровъ.

Полученъ свѣжій транспортъ шерстяныхъ товаровъ, въ наилучшихъ сортахъ, а именно: рысь, камлотъ и альпага всѣхъ цвѣтовъ,—спеціально на священническія одежды.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. — Отъ Холмска-Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. — Пожертвованія. — Отдѣлъ II. Объ „освѣженіи“ нашего духовенства. — Галицко русское Благотворительное Общество въ С.-Петербургѣ. — Мысли законоучителя о предметѣ своихъ занятій въ средней свѣтской школѣ (окончаніе). — Замѣтка о церкви во имя Св. Троицы въ селѣ Гродискѣ Сѣдлецкаго благочинническаго округа, Соколовскаго уѣзда. — Портреты варшавскихъ іерарховъ православной церкви. — Некрологъ. — Замѣтки. — Объявленіе.

Редакторъ, Протоіерей А. Ковальницкій.

Печатать дозволяется. — Варшава, Марта 14 дня 1903 года. — Цензоръ, Каѳедраальный Протоіерей П. Каллистовъ. Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковской-Предмѣстье, № 3.